

Говард Филлипс Лавкрафт

Серебряный ключ

(The Silver Key)

В тридцать лет Рэндольф Картер утратил ключ, отмыкавший врата в мир его снов. Прежде он мог компенсировать прозаичность повседневного существования увлекательными ночными странствиями по затерянным древним городам и сказочно прекрасным землям на берегах эфемерных морей, но с годами чудесные сны все реже посещали Картера, и наконец тот мир стал для него недоступным. Его галеры уже не могли подняться к верховьям полноводного Украноса мимо золоченых шпилей Франа, а караваны слонов не брели сквозь напоенные ароматами джунгли Кледа, где в лунном свете сонно белели давно опустевшие, но незатронутые временем колоннады прекрасных дворцов.

Он прочел много книг об окружавшем его реальном мире и много беседовал с различными людьми. Исполненные благих побуждений философы учили его рассуждать логически и анализировать процессы, подспудно формируя его желания и фантазии. Так понемногу он утратил способность удивляться и позабыл о том, что вся наша жизнь — это лишь цепь возникающих в сознании образов, а поскольку нет никакой существенной разницы между отражениями объективной реальности и образами, порожденными фантазией, то нет и причин отдавать кому-то из них предпочтение. Вместо этого ему внушали почти суеверное благоговение перед материальными, осязаемыми вещами, заставляя его втайне стыдиться своих странных видений. Умудренные опытом люди называли их детскими глупостями, тем более нелепыми, что эти видения настойчиво претендовали на особую значимость и некий скрытый смысл, тогда как бестолковое вращение вселенной продолжало перемалывать нечто в ничто лишь затем, чтобы из этого ничто вновь сделать нечто, не замечая искорок чьих-то желаний и устремлений, вспыхивающих и тут же гаснущих в беспредельном мраке.

Эти трезвые умы хотели прочно приковать его к незыблемому порядку вещей, разясняя суть и практическое назначение каждой вещи, дабы изгнать ненужные тайны из мира, где должно властвовать знание. Он инстинктивно сопротивлялся, надеясь вернуться в те сумеречные сферы, где разрозненные фрагменты видений и мимолетные ассоциации волшебным образом сливались в сознании, даря ему трепетное предвкушение чуда; они же в свою очередь обращали его к чудесам современной науки, побуждая искать красоту в схеме строения атома и траекториях движения небесных тел. Когда же ему не удавалось по достоинству оценить все прелести чего-то давно изученного, рассчитанного и измеренного, его называли лишенным воображения, интеллектуально незрелым типом, поскольку он предпочитал зыбкие иллюзии своих снов добротным и очевидным иллюзиям утвержденного миропорядка.

Картер, как мог, старался не выделяться из толпы, на словах признавая превосходство простейших обывательских эмоций над вычурными фантазиями немногих изощренных душ. Он не возражал, когда ему говорили, что реальные физические ощущения — вроде

предсмертной боли свиньи под ножом мясника или желудочных колик у какого-нибудь фермера — значат для этого мира куда больше, нежели бесподобная красота Нарафа с его сотней узорчатых ворот и хрустальными куполами, смутные воспоминания о которых сохранились у него от прежних снов. Следуя мудрым советам, он усердно воспитывал в себе общепринято-полезную способность к сопереживанию и состраданию.

При всем том он не мог не замечать, какими мелкими, переменчивыми и, по сути, бесцельными являются все наши устремления и как печально контрастируют истинные побудительные мотивы наших действий с высокими идеалами, эти действия якобы направляющими. Для маскировки своих истинных чувств он пользовался легкой иронией — тем самым средством, которое его учили применять в борьбе с абсурдными, напрочь оторванными от реальности видениями. Он ясно сознавал, что наша повседневность насквозь фальшива и ничуть не менее абсурдна, чем его сны, которые еще много выигрывали при сравнении с этим обделенным красотой и упрямо не желающим признавать собственную несостоятельность миром. Как следствие, он превратился в своего рода юмориста, еще не ведая, что юмор тоже бесполезен как прибежище в нашей дремучей вселенной, не способной уловить элементарную связь между причиной и следствием.

С утратой снов оказавшись целиком во власти реального мира, он сначала попытался найти утешение в религии — в той наивной вере отцов, которая предполагала некий мистический путь ухода от обыденности. Однако при ближайшем рассмотрении он обнаружил, что здесь правят бал те же банальность и косность вкупе с чахлым подобием красоты, глупой напыщенностью и смехотворными претензиями на непогрешимость. Его никак не могли впечатлить неуклюжие попытки церкви законсервировать в качестве непреложной истины суеверные страхи и домыслы наших далеких предков, которые таким образом реагировали на что-либо недоступное их пониманию. С возрастающим раздражением наблюдал Картер за тем, как люди всерьез пытаются строить земную жизнь на базе отживших преданий и мифов, убедительно опровергаемых каждым новым открытием их же собственной хваленной науки. Эта неуместная серьезность окончательно убила в Картере интерес, который он вполне мог бы питать к древним верованиям, если бы их эмоциональный заряд и красочные ритуалы представляли в своем истинном, сказочно-фантазийном обличье.

Впоследствии Картер свел знакомство с людьми, отвергавшими старые мифы, но те оказались еще безнадежнее религиозных фанатиков. Им было не дано усвоить, что красота неразрывно связана с гармонией и потому в суетливом многообразии космоса возможно только одно приемлемое для всех понятие красоты: это нечто гармонирующее с нашими снами, мечтами и воспоминаниями и позволяющее нам сотворить свой собственный маленький мир, отгороженный от вселенского хаоса. Эти люди не понимали, что добро и зло, красота и уродство являются всего лишь декоративным обрамлением картины мира, а вся их ценность заключается в том, что они дают нам некоторое представление о мыслях и чувствах наших предков, создававших те или иные детали орнамента, сугубо индивидуального для каждой культуры и каждой расы. Вместо этого «вольнодумцы» либо полностью отрицали все эти понятия, либо сводили их к примитивным и грубым инстинктам, тем самым практически не отличаясь от дикарей и

животных. В их уродливо искаженном сознании каким-то образом угнездились чувство гордости за свое «духовное освобождение», при том что они оставались рабами предрассудков ничуть не менее пагубных, нежели те, от которых они якобы освободились. В сущности, они всего-навсего сменили идолов: место слепого страха и бездумного благочестия заняли вседозволенность и анархия.

Картера не прельстили эти новомодные, обретенные по дешевке и дурно пахнущие «свободы»; они оскорбляли его представление о красоте, а его разум восставал против убогих логических потуг, посредством которых доморощенные идеологи пытались облагородить свои изначально ущербные постулаты, навесив на них культовую мишуру, снятую с ими же ниспровергнутых старых идолов. Большинство из них пребывало в заблуждении относительно смысла жизни, полагая его некоей самодовлеющей категорией, одинаково применимой ко всем и каждому. При этом они не могли обойтись без привычных понятий морали и долга, никак не соотносимых с понятием красоты, хотя сама Природа в свете их научных открытий подтверждала свою абсолютную независимость от каких-то умозрительных нравственных норм. Приняв за аксиому иллюзии справедливости, свободы и формальной логики, они поспешили отвергнуть прежние знания и верования, даже не дав себе труда подумать о том, что эти же самые знания и верования лежат в основе их нынешних убеждений и являются их единственным ориентиром в бессмысленной и хаотичной вселенной. Лишившись этого ориентира, их жизнь вместе с тем лишилась и конкретной цели, что вынудило их искать спасение от смертной тоски в нарочитой деловитости, в диких буйствах и грубых чувственных наслаждениях. А когда все это приелось до тошноты, они обратились к иронии и сарказму, избрав главным объектом нападок очевидные всем недостатки общественного устройства. Этим несчастным было невдомек, что их сознательно упрощенный и огрубленный подход к действительности покоится на столь же шаткой основе, что и религиозное мировоззрение их предшественников, а сегодняшняя удовлетворенность жизнью может завтра обернуться жестоким разочарованием. По-настоящему насладиться спокойной и неувядающей красотой можно только в счастливых снах, однако наш мир лишил себя такой возможности, в угаре идолопоклонства утратив драгоценный дар детской чистоты и невинности.

Посреди этого хаоса Картер пытался вести образ жизни, подобающий благоразумному и воспитанному человеку своего круга. С годами воспоминания о чудесных снах слабели, а утвердиться в какой-либо новой вере он так и не смог, но стремление сохранить душевную гармонию вынуждало его следовать правилам поведения, обусловленным его расовой принадлежностью и социальным статусом. Бесстрастно проходил он улицами многих городов и только порою вздыхал, когда игры солнечных бликов, золотящих высокие кровли, или мягкий свет вечерних фонарей на окруженной балюстрадами старой площади напоминали о давних снах и пробуждали тоску по сказочным мирам, куда у него уже не было доступа. Путешествия не могли послужить им достойной заменой, и даже мировая война оказалась для Картера лишь слабой встряской — это при том, что он воевал чуть ли не с первых дней, завербовавшись во французский Иностраннный легион. На фронте он завел было друзей, но вскоре начал тяготиться их обществом, однообразием и приземленностью их чувств. Отсутствие контактов с родственниками, оставшимися за океаном, его скорее радовало, нежели огорчало, так

как среди этой родни он не имел по-настоящему родственных душ, за исключением дедушки да еще двоюродного деда Кристофера, но эти двое уже давно умерли.

По окончании войны он вернулся к сочинительству, которое забросил, когда его перестали посещать сны. Но и это занятие не приносило ему удовлетворения, поскольку теперь он уже не мог оторваться от земной суеты и свободный полет фантазии остался в прошлом. Язвительная ирония без труда разрушала хрупкие минареты, сотворенные его воображением, а боязнь неправдоподобия оказалась губительной для нежных цветов, которые он взращивал в сказочных садах. Попытки сопереживать героям своих книг лишь придавали этим образам слезливо-сентиментальный налет, тогда как стремление к жизненной убедительности низводило повествование до уровня неуклюжей аллегории либо пошлой социальной сатиры. При всем том его новые романы имели куда больший успех, чем прежние. Осознавая, сколь пустым должно быть сочинение, способное угодить вкусам пустоголовой толпы, он сжег свои рукописи и оставил литературное поприще. В тех стилистически изысканных романах он иногда посмеивался над собственными сновидениями, обрисовывая их как бы мимоходом, небрежными штрихами, отчего сны теряли живую энергию, задушенные праздной игрой слов.

Следующей попыткой стало сознательное удаление в мир иллюзий, обращение к загадочному и сверхъестественному как к противоядию от обыденности. Однако и здесь он вскоре столкнулся с идейным убожеством и бесплодием: модные оккультные учения на поверку оказались столь же выхолощенными и застывшими, как научные доктрины, с которыми он имел дело прежде, но в отличие от последних не содержали даже слабого намека на истину, способного хоть как-то оправдать их существование. Откровенная глупость, фальшь и бессвязность мыслей не имели ничего общего с его снами; такие учения не могли дать прибежище умам, превосходящим жалкий уровень их адептов. Продолжая поиски в этом направлении, Картер приобретал и штудировал самые невероятные книги и искал общества самых странных людей, чей круг знаний и интересов выходил далеко за обычные рамки. Он проникал в те сферы человеческого сознания, где мало кому доводилось бывать до него, изучал потаенные глубины жизни, легенды и скупые свидетельства, восходящие к незапамятным временам. Его дом в Бостоне был максимально приспособлен к смене настроений владельца: для каждого настроения существовала особая комната, окрашенная в подходящие тона, снабженная подходящими к случаю книгами и предметами, с соответственно подобранными освещением, температурой, звуковым оформлением и запахами.

Как-то раз до него дошли сведения об одном человеке на Юге, который чуждался общества и постоянно пребывал в страхе перед какими-то чудовищными откровениями из древних книг и клинописных глиняных табличек, привезенных из Индии и Аравии. Картер отправился к нему и на протяжении семи лет делил с ним жилище и ученые занятия, но как-то в полночь на старом кладбище неизъяснимый ужас объял обоих — и только один из них вернулся оттуда, куда уходили двое. После этого Картер перебрался в Аркхем, овеянный мрачными колдовскими легендами городок в Новой Англии, с которым была тесно связана история его рода. Кое-что из пережитого им здесь, в ночной тьме среди вековых деревьев и обветшалых домов с островерхими крышами, так напугало исследователя, что он зарекся впредь открывать некоторые страницы в

дневнике одного из своих безрассудных предков. Все эти занятия приблизили его к пределам реального мира, но так и не указали путь в заветную страну сновидений. К пятидесяти годам он отчаялся найти душевный покой в мире, слишком суетном, чтобы замечать красоту, и слишком практичном, чтобы дать простор мечтаниям.

Окончательно разуверившись в этой ничтожной реальности, Картер жил отшельником, тоскуя о дивных снах своей юности. Сомневаясь, стоит ли продолжать такое существование, он раздобыл через одного знакомого в Южной Америке особенный эликсир, с помощью которого можно было без мучений и боли кануть в небытие. От этого шага его до поры удерживали только апатия и сила привычки. Мысленно возвращаясь к прошлому, он решил устранить все последние изменения в интерьере дома и постарался вернуть ему тот облик, который помнил с детства, включая оконные витражи и викторианскую мебель.

С течением времени добровольный уход из жизни перестал привлекать Картера, благо строгое затворничество в привычной с юных лет обстановке надежно отгородило его от постылой повседневности, а в его снах появились намеки на близость удивительных перемен. Уже много лет подряд ему, как и большинству людей, снились только сцены и образы, так или иначе порожденные дневными впечатлениями; однако теперь их перемежали видения иного порядка, чей потаенный смысл скрывался за внешне безобидными картинками из его детства, напоминающими о вроде бы незначительных мелочах, которые он полагал давно и прочно забытыми. Неоднократно в момент пробуждения он громко звал мать или деда, к тому времени уже четверть века покоившихся в могилах.

И наконец однажды ночью дед рассказал ему о ключе. Седой ученый муж, представший в его сне на редкость ясно и отчетливо, сначала долго рассуждал о древности их рода и о странных видениях, которые в разное время посещали отдельных его представителей, наделенных от природы повышенной чувствительностью. Он говорил о крестоносце с пламенным взором, который узнал некие страшные тайны, пребывая в сарацинском плену, и о сэре Рэндольфе Картере, первом в роду носителе этого имени, практиковавшем магию во времена королевы Елизаветы. Он говорил также об Эдмунде Картере, который только чудом избежал петли в ходе Салемского ведьмовского процесса, — именно он упрятал в старинную шкатулку большой серебряный ключ, передававшийся в их семье по наследству. Прежде чем Картер проснулся, старик успел сообщить, где нужно искать эту дубовую, с причудливым резным орнаментом шкатулку, которую никто не открывал вот уже два столетия.

И Картер нашел ее там, где было указано: в выдвигном ящике огромного комода, пылившегося на чердаке. Шкатулка, имевшая примерно фут в длину и в ширину, была покрыта готической резьбой столь устрашающего вида, что нежелание потомков Эдмунда Картера знакомиться с ее содержимым стало понятным без дополнительных разъяснений. Это содержимое не выдало себя ни единым звуком при интенсивном встряхивании шкатулки, от которой исходил тонкий аромат каких-то экзотических пряностей. Она была окована по углам тронутым ржавчиной железом и заперта на хитроумный замок. Упомянутый дедом серебряный ключ вполне мог оказаться всего лишь одним из семейных преданий; во всяком случае, отец Рэндольфа даже не знал о

существовании шкатулки. Самого же Картера не покидало смутное предчувствие, что эта находка поможет ему вернуться в давно утраченный мир сновидений, хотя дед ни словом не обмолвился на сей счет.

Старик-слуга взломал замок и не без содрогания поднял темную дубовую крышку, с которой на него злобно взирали морды каких-то отвратительных существ. Внутри, обернутый ветхим пергаментом, действительно хранился массивный ключ из потускневшего серебра с изображенными на нем загадочными знаками. Пергамент также был покрыт иероглифическими письменами на неведомом языке. Картер вспомнил, что похожие иероглифы он видел на папирусе, принадлежавшем ученому отшельнику, который однажды в полночь бесследно исчез посреди старого кладбища. Всякий раз, читая те письма, ученый буквально трясся от страха. Невольно вздрогнул и Картер, впервые прикоснувшись к пергаменту.

Он очистил серебряный ключ от налета и с той поры держал его у себя в спальне вместе со старой шкатулкой. Сны меж тем становились все более живыми и красочными, хотя в них и не появлялись фантастические города и волшебные сады, знакомые по прежним видениям. Вместо этого к нему из глубины времен звали голоса множества предков, направляя к чему-то скрытому у самых истоков их рода. Когда Картер понял, что ему предстоит возвращение в прошлое, его мысленный взор устремился на север — к лежащему за дальними холмами Аркхему, к берегам стремительного Мискатоника, к затерянной в сельской глуши родовой усадьбе.

И вот в один из дней на пике багряной осени Картер сел в автомобиль и поехал знакомой дорогой, минуя гряду округлых холмов и луга за каменными оградами, светлую просторную долину и сумрачный лесной массив, одинокие фермы и плавные изгибы Мискатоника с перекинутыми через поток бревенчатыми или каменными мостами. За очередным поворотом он увидел рощу гигантских вязов, в которой полтора века назад таинственным образом сгинул один из его предков, и тревожно напрягся, когда деревья качнули ветвями под порывом ветра, словно подавая ему знак. Далее путь лежал мимо бывшего обиталища старой ведьмы Гуди Фаулер с угрюмо-черными провалами окошек и несоразмерно громоздкой крышей, перекосившейся настолько, что края стропил едва не упирались в землю у северной стены дома. Картер нажал педаль газа, стремясь поскорее миновать недоброе место, и снизил скорость только перед холмом, чью вершину венчал старинный белый особняк — здесь родилась и жила его мать, а также ее предки в нескольких поколениях. Дом по-прежнему гордо взирал через ленту шоссе на впечатляющую панораму долины у подножья скалистого кряжа и на далекие шпили Кингспорта, за которыми у самого края неба угадывалась дремотная океанская синева.

Следующий, более крутой холм был уже вотчиной его родни по отцовской линии. Прошло более сорока лет с тех пор, как Картер навещал эти места в последний раз. Дорога петлями взбиралась вверх по склону. Достигнув середины подъема, он остановил машину, чтобы оглядеться. Было уже далеко за полдень, солнце клонилось к западу, и потоки волшебного золота проливались с закатного неба на долину в ее осеннем убранстве. В загадочном безмолвии этого пейзажа улавливалось некое сходство с его последними снами: и тут, и там присутствовало ожидание чуда. Картер попытался представить себе одиночество, каким оно может быть в неизмеримой дали от этого мира,

на других, неведомых планетах, а его взор меж тем рассеянно блуждал по бархатной зелени давно запущенных полей с кое-где еще заметными останками изгородей, по лесам, что желто-багряными шапками покрывали уходящие вдаль холмы, по темным пятнам сырых тенистых лощин, на дне которых лениво журчали ручьи, вымывая грунт из-под набухших узловатых корней.

У него возникло ощущение, что автомобиль будет лишним, чужеродным элементом в тех местах, куда он направлялся. Поэтому он оставил машину на заросшей обочине и, положив серебряный ключ в карман пальто, пешком продолжил путь. Густой лес сомкнул над ним ветви, но ближе к вершине холма деревья должны были расступиться — насколько он помнил, заросли вплотную подходили к усадьбе только с одной, северной стороны. Он попытался угадать, в каком состоянии окажется дом, пустовавший вот уже лет тридцать, после смерти его чудаковатого двоюродного деда Кристофера. Мальчишкой он охотно и подолгу гостил в усадьбе, всем занятиям и развлечениям предпочитая блуждания в полном тайн и загадок лесу за пределами фруктового сада.

Лесные тени сгущались, предупреждая о скором наступлении ночи. Справа меж деревьев открылся небольшой просвет, и он разглядел внизу часть долины и колокольню конгрегационалистской церкви на холме в центре Кингспорта — закат окрасил ее стены в розовый цвет и сверкал отраженным пламенем в маленьких круглых окнах. Через несколько шагов вновь углубившись в тень, он с запоздалым удивлением сообразил, что только что увиденное могло относиться лишь к воспоминаниям из его детства, а никак не к современности, ибо та церковь была уже давно снесена, уступив место зданию благотворительной лечебницы. Помнится, он в свое время с интересом прочел газетную публикацию о подземных ходах непонятного назначения, обнаруженных строителями в скальной толще холма под фундаментом старой церкви.

Он еще не оправился от первого потрясения, когда за ним последовало новое: до его слуха донесся хорошо знакомый пронзительный голос. Бениджа Кори, слуга дяди Кристофера, уже был в преклонных летах в ту пору, когда Картер приезжал сюда ребенком. Теперь ему не могло быть менее ста лет, однако этот высокий и резкий голос ничуть не изменился и не мог принадлежать никому другому — хотя отдельные слова разобрать было трудно, характерные интонации и тембр не оставляли ни малейших сомнений. Кто бы мог подумать, что старый Бениджа до сих пор жив!

— Мистер Рэнди! Мистер Рэнди! Куда вы запропастились? Хотите до срока загнать в гроб тетушку Марту? Сколько раз она вас просила не шастать по лесу, особенно когда дело к ночи! Рэнди! Рэ-энди! Вот паршивец, небось опять ходил на старую вырубку и полдня проторчал у Змеиного логова... Ау, Рэ-энди!

...Рэндольф Картер стоял в кромешной тьме и тер глаза тыльной стороной руки. Произошло нечто странное. Он только что побывал в очень далеких, чужих местах, где ему быть совсем не полагалось, и вот сейчас непозволительно опаздывал с возвращением домой. Он не догадался уточнить время по часам на кингспортской колокольне, для чего можно было бы воспользоваться подзорной трубой; но его больше тревожило не опоздание само по себе, а то, чем оно было вызвано. Он сунул руку в карман курточки, чтобы проверить, на месте ли подзорная труба. Ее там не оказалось, зато в

кармане лежал большой серебряный ключ, вроде бы найденный им в каком-то ящике. Помнится, дядя Крис что-то рассказывал о старинной шкатулке со спрятанным внутри ключом, но тетя Марта тогда его прервала, заявив, что не годится пичкать подобными историями ребенка, чья голова и без того забита невесть какими фантазиями. Рэндольф попытался восстановить в памяти события, связанные с обретением ключа, но мысли путались, и цельной картины не получалось. Он смутно помнил чердак их дома в Бостоне и то, как он пообещал Парксу половину его недельного жалованья, если слуга поможет открыть шкатулку и сохранит это дело в тайне от старших. Он как раз мысленно представлял себе эту сцену, когда лицо Паркса вдруг невероятным образом исказилось, покрываясь морщинами, и бойкий коротышка-кокни как будто разом постарел на десятки лет.

— Рэ-энди! Рэ-энди-и!.. Эй, Рэнди!

Качающийся фонарь вынырнул из-за темных кустов на дорожном изгибе, и старый Бениджа чуть не сбил с ног маленького бродягу, в безмолвном изумлении застывшего на месте.

— Вот он где, негодник! Я тут глотку деру битый час, нешто нельзя откликнуться? Язык бы, небось, не отсох. Это ж надо: на дворе тьма кромешная, тетушка Марта вся извелась, а наш мистер Рэнди гуляет себе хоть бы хны! Вот погодите, я все расскажу дяде Крису, он вам задаст по первое число! Сколько раз вам говорили не соваться затемно в лес! Этим часом тут всякая бесовщина творится, мне про то еще мой дед сказывал. Давайте-ка поживее, мистер Рэнди, Ханна не будет всю ночь напролет держать на плите ваш ужин.

И Рэндольф Картер зашагал вверх по дороге. Любопытные звезды мигали сквозь поредевшую осеннюю листву; чуть погода залаяли собаки, и за последним поворотом он увидел желтый свет в окнах дома и мерцающие Плеяды над высокой двускатной крышей, черный силуэт которой смутно проступал на фоне ночного неба. Тетушка Марта дожидалась их, стоя в дверях, и на сей раз ограничилась беззлобным ворчанием, когда блудное дитя под конвоем Бениджи переступило порог. Она слишком хорошо знала дядю Крису, чтобы удивляться подобным выходкам его внучатого племянника, — что подделаешь, если у Картеров это в крови. Рэндольф никому не сказал о ключе, покорно проглотил свой ужин, но заупрямился, когда его стали укладывать спать. Зачастую ему лучше грезилось наяву, и он хотел поскорее найти верное применение своей находке.

На следующее утро Рэндольф проснулся очень рано с намерением тотчас бежать на старую вырубку, но дядя Крис перехватил его на крыльце и повел в гостиную завтракать. За столом он нетерпеливо вертелся, обводя взглядом знакомую комнату с истертым ковром на полу, низкими потолочными балками и выступающими гранями угловых столбов, и лишь однажды на его лице промелькнула улыбка, когда ветви садовых деревьев легонько постучались в оконное стекло. Деревья и холмы были ему по-настоящему близки, ибо они обрамляли врата в иной мир — тот мир вне времени и пространства, к которому принадлежал и он сам.

Вновь обретя свободу после завтрака, он потрогал в кармане ключ, дабы увериться в его сохранности, и припустил через сад в ту сторону, где над усадьбой нависал лесистый склон смежной горы. Толстый слой мха пружинил под ногами; покрытые лишайником

скалы тут и там возникали из предрассветной мглы подобно алтарям друидов среди уродливо разбухших и скрюченных стволов священной рощи. В одном месте пришлось перебираться по камням через ручей, который чуть ниже по течению обрывался водопадом, неустанно выпевавшим свои рунические рулады для невидимых фавнов, сатиров и дриад.

Наконец он достиг отверстия пещеры, темневшего среди зарослей. Это и было таинственное Змеиное логово, к которому боялись приближаться окрестные жители и от которого его не раз пытался отвадить старый Бениджа. Пещера была глубока — гораздо глубже, чем полагали все, кроме Рэндольфа. Еще ранее он обнаружил в самом дальнем углу расщелину, ведущую в подземный зал с высоким потолком и гранитными стенами, чья поверхность наводила на мысль об их скорее искусственном, нежели природном происхождении. Он пополз уже знакомым путем, время от времени зажигая спички, которые утащил из комода в гостиной, и протиснулся в расщелину с нетерпеливой поспешностью, удивившей его самого. Не менее странной была уверенность, с какой он двинулся напрямик к противоположной стене зала, на ходу извлекая из кармана серебряный ключ.

...Как бы то ни было, он в самом деле осуществил задуманное и поздним вечером явился домой с торжествующим видом, отказавшись назвать причины опоздания к ужину — не говоря уж про обед — и пропустив мимо ушей вполне заслуженные им суровые упреки.

Сейчас вся дальняя родня Рэндольфа Картера сходится во мнении, что на десятом году его жизни случилось нечто, совершившее переворот в сознании мальчика. Его чикагский кузен Эрнест Б. Эспинуолл, будучи десятью годами старше Рэндольфа, отчетливо помнит странную перемену, которая произошла в нем осенью 1883-го. С той поры он нередко в подробностях описывал фантастические сцены, какие мало кто исхитрился бы вообразить даже в самых общих чертах, а временами высказывал нестандартные суждения по самым что ни на есть практическим вопросам. Это можно было назвать своего рода предвидением, ибо его намеки, изначально казавшиеся лишены смысла, потом получали реальное подтверждение. В последующие десятилетия исторический процесс порождал новые изобретения, имена и события, и окружающие порой с изумлением вспоминали, что Картер еще за много лет до того мимоходом говорил об этих вещах как о чем-то хорошо известном и само собой разумеющемся. Он и сам часто не понимал смысла им сказанного и не мог объяснить, почему то или иное явление вызывает у него такую реакцию, полагая возможной причиной этого некий полузабытый сон. Когда в 1897 году один турист случайно упомянул в его присутствии название французского местечка Беллуа-ан-Сантер, лицо Картера вдруг покрыла смертельная бледность. Его знакомые припомнили эту деталь спустя без малого двадцать лет, в 1916-м, когда он, будучи солдатом Иностранного легиона, лишь чудом выжил после тяжелого ранения, полученного близ того самого местечка.

Родственники Картера много рассуждали обо всех этих странностях после его необъяснимого исчезновения. Коротышка Паркс, его старый слуга, долгие годы

стойчески сносивший хозяйские причуды, сообщил, что в последний раз видел Картера в то утро, когда он отъезжал от бостонского дома за рулем машины, прихватив с собой найденный накануне серебряный ключ. Паркс лично помог ему открыть старинную шкатулку с резным орнаментом, в которой хранился тот самый ключ. По словам слуги, этот орнамент и еще нечто связанное со шкатулкой, но не поддающееся четкому определению, оказали на него самое гнетущее воздействие. Перед отъездом Картер сказал, что собирается посетить родину своих предков в окрестностях Аркхема.

Его автомобиль нашли на обочине дороги, ведущей к старой усадьбе Картеров на Вязовой горе; там же находилась и резная шкатулка, вид которой сильно испугал наткнувшихся на автомобиль поселян. Внутри шкатулки был только свиток пергамента с текстом, который не сумели расшифровать ни лингвисты, ни палеографы. Следы ног уничтожил прошедший накануне ливень, однако детективы из Бостона установили, что кто-то совсем недавно копался в руинах картеровской усадьбы, а позади нее, в лесу на горном склоне, был найден белый носовой платок без инициалов или иных меток, которые помогли бы идентифицировать его владельца.

Некоторое время назад был поднят вопрос о разделе имущества Рэндольфа Картера между его наследниками, однако я считаю это неправильным, поскольку не верю в его смерть. Время и пространство, видимость и реальность — все это тесно переплетено и подвержено прихотливым изменениям, распознать которые могут лишь немногие ясновидцы. Картер, судя по всему, нашел способ преодолеть этот самый сложный лабиринт. Вернется он когда-нибудь оттуда или нет, предсказать не берусь. Он очень долго искал утраченный мир своих снов, чудесный мир своего детства. В конце концов он обрел нужный ключ и, похоже, сумел правильно им воспользоваться.

Я спрошу его об этом при встрече, ибо надеюсь вскоре увидеться с ним в том краю снов, где нам обоим не раз доводилось бывать. С недавних пор в Ултаре, за рекой Скай, ходят слухи о новом правителе, взошедшем на опаловый трон Илек-Вада — легендарного города стрельчатых башен, что возносятся над прозрачно-стеклянными утесами и отражаются в сумеречном море, на дне которого бородатые ласторукие гнорри строят свои неподражаемые лабиринты, — и теперь я догадываюсь о первопричине этих слухов. И конечно же, мне не терпится своими глазами увидеть тот самый серебряный ключ с загадочной символикой, быть может скрывающей в себе истинные тайны безликого и бесстрастного космоса.

Перевод: Василий Дорогокупля

2010 год